

18-ИЮНЬ 1970

МОСКОВСКИЙ КОМПОЗИТОР
г. МОСКВА

Соната Дмитрия Шостаковича для альты и фортепьяно — последнее, завершенное композитором сочинение... Премьера сонаты состоялась в Ленинграде осенью прошлого года, ознаменовав впервые проводившийся по инициативе ЮНЕСКО Международный день музыки.

АТМОСФЕРА Малого зала имени М. И. Глинки была особенно торжественна. Присутствовали видные музыканты Ленинграда: дирижер Евгений Мравинский — один из лучших интерпретаторов симфоний Шостаковича, композитор Борис Тищенко — один из любимейших его учеников.

Обращение Шостаковича к альту связано с многолетней дружбой композитора с участниками Квартета имени Бетховена, и в частности с альтистами квартета Вадимом Борисовским и Федором Дружининым.

В 1970 году Борисовскому исполнилось 70 лет.

— Прощу тебя принять мой запоздалый подарок, — писал юбиляру Шостакович. — Это Тринадцатый квартет, который я тебе посвящаю. Когда я получу их (ноты, отданные переписчику. — В. Ю.) и сделаю корректуру, то мою рукопись попрошу принять в знак любви и восхищения.

Премьеру Тринадцатого квартета с большой и очень трудной сольной партией альты сыграл в составе «бетховенцев» Федор Дружинин, один из лучших учеников Борисовского.

— Несколько раз за эти годы, — рассказывает Федор Серафимович Дружинин, — я пытался напоминать Дмитрию Дмитриевичу о том, что в огромном списке его сочинений нет произведения для альты.

— Не знаю, не знаю, Федя, надо подумать, надо подумать, — отвечал он обычно.

Однажды Шостакович присутствовал на нашей репетиции. В перерыве в дальнем углу комнаты я учил высокие по tessiture пассажи из Хроматической фантазии Баха.

ПОСЛЕДНЕЕ СОЧИНЕНИЕ ШОСТАКОВИЧА

ПРОЗВУЧИТ СЕГОДНЯ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ ПО ПЕРВОЙ ПРОГРАММЕ, В 19.00

— Я никогда не думал, Федя, — обратился ко мне Дмитрий Дмитриевич, — что на альте возможно сыграть этот высокий си-бемоль...

В сольной альтовой партии Тринадцатого квартета этот опыт оказался ученым: альт «раскрыт» Шостаковичем во всех регистрах. Интерес Шостаковича к альту не оказался, к счастью, преходящим, о чем свидетельствуют, в частности, Пятнадцатый квартет с замечательным альтовым соло в ноктюрне и, наконец, соната для альты и фортепьяно.

Весной 1975 года Федор Дружинин и Михаил Мунтян играли Дмитрию Дмитриевичу альтовую сонату Г. Фрида. На следующий день Дружинин сыграл Шостаковичу сольную сонату М. Вайнберга. Композитор слушал с интересом, оба сочинения понравились ему.

— Я не догадывался тогда, — говорит Дружинин, — что у композитора зреет план альтовой сонаты. Узнал я о ней неожиданно. 25 июня рано утром мне позвонил Дмитрий Дмитриевич. Спрашивался, как обычно, о здоровье — моим и моей семье, а затем тем же привычным чуть глуховатым голосом сказал: «У меня есть для вас, Федя, одно сообщение — я пишу сейчас сонату для альты и фортепьяно».

Шостакович не любил говорить о своих новых сочинениях до тех пор, пока их замысел окончательно не вызревал

в его сознании. «Я пишу сонату» означало, вероятно, в устах Дмитрия Дмитриевича: «Я записываю ее»...

— Так, по сути дела, и было. Шостакович записывал сочиненную уже сонату. Он сразу же рассказал мне, что она будет трехчастной, что, хотя части и не будут иметь названий, он мыслит их как новеллу, скерцо и адажио памяти великого Бетховена. Признаюсь, с того самого момента, как я узнал о сонате, я потерял покой; волнение мое росло с каждым днем. 4 июля мне стало известно, что Шостакович закончил две части сонаты. 6 июля в трубке раздался знакомый голос: «Федя, вы знаете, я поднатужился и написал адажио»...

Такое адажио — за два дня! — и при том еще, что Дмитрий Дмитриевич был нездоров, 6 августа я держал партитуру сонаты в руках. Шостакович лежал в больнице, состояние его ухудшилось, и все-таки он завершил корректуру сонаты. С трепетом открывал я переданную мне близкими Дмитрием Дмитриевичем нотную тетрадь в серой обложке. Не знаю, была ли в моей жизни минута более сильного переживания, чем та, когда я увидел на титульном листе сонаты посвящение: Федору Серафимовичу Дружинину. Шостакович одарил меня бесценным даром...

9 августа Шостаковича не стало.

Альтовая соната — одно из вершинных его созданий. По силе художественного воздействия она может быть сопоставлена не только с такими сочинениями Шостаковича, как Пятая симфония и Фортепьянный квинтет, Десятая симфония и Пятнадцатый квартет, но и с произведениями позднего Бетховена, его последними фортепьянными сонатами и квартетами. Еще в 1937 году Генрих Нейгауз подчеркивал родство Шостаковича с Бетховеном и античным искусством. Четырьмя годами позже он писал, что «в лице Шостаковича маятник истории опять качнулся в сторону классики». Подтверждением этих мыслей стало все последующее творчество композитора, альтовая соната в частности. Соната эта классична в самом высоком смысле. Классична прежде всего потому, что целое явно господствует в ней над частями, что 28 минут, отмеряемые стрелками часов, представляются слушателю сгущенными до десяти. Она классична бесконечной глубиной запечатленных в ней мыслей и чувств и мудрой простотой их выражения. И еще одно обстоятельство хочется подчеркнуть: Шостакович-человек впечатляет нас в альтовой сонате столь же сильно, как и Шостакович-художник. В огромном, стоическом мужестве черпал он силы для борьбы с неотступным недугом, неспособным поразить его дух, дух автора знаменитой Седьмой («Ленинградской») симфонии. Не подвиг ли написать на грани небытия такую музыку, как вторая часть альтовой сонаты — брызжущее весельем, бурлящее жизнью, исполненное гротеска аллегретто? Не подвиг ли уйти из жизни, «пропев» такое финальное адажио сонаты без тени надломленности и надрыва, уйти с именем Бетховена на устах? И не есть ли эта его последняя песнь смыкание гениев Шостаковича и Бетховена в вечности...

В. ЮЗЕФОВИЧ,
кандидат искусствоведения.